

– Простите младшего министра за дерзость. Придворные евнухи из двора Изогнутой Террасы привыкли жить без всяких правил, отчего в последнее время изрядно запустили свои обязанности. Не судите строго, пусть это не станет для Вас поводом для насмешек.

Старый евнух Ло Хэюй, состоявший при Фэн Юаньси, прихрамывая, принес фарфоровую чашку с чаем. С лукавой улыбкой он подал ее Сяо Чжюцину, а заодно расставил три-четыре тарелочки с фруктами и закусками, заботливо заставив ими весь письменный стол.

– Зачем они только что прятались там? – не удержался от вопроса Сяо Чжюцин, принимая чай обеими руками.

– Дунцзюнь изнежен и любит движение, Вашему Величеству угодно каждый день выпускать его размять крылья, – с мягкой улыбкой пояснил Ло Хэюй. – Однако птица эта признает лишь Императора, норовом обладает свирепым и диким, к тому же часто калечит людей, поэтому всем приходится держаться от нее подальше.

Он говорил об этом так легко и небрежно, словно Дунцзюнь был не более чем избалованной и капризной крупной птахой.

Однако Сяо Чжюцин собственными ушами слышал, как дворцовая прислуга шепталась, будто в прошлом месяце этот самый Дунцзюнь выклевал глаз какому-то евнуху, а потом сидел на верхушке дерева и щелкал его, точно грецкий орех.

Впрочем, в этом прослеживалась определенная закономерность: в конце концов, когда Дунцзюнь летел на него, целью птицы тоже были глаза.

Сяо Чжюцин поблагодарил Ло Хэюя.

Той стрелой, что пронзила убежище слуг, Фэн Юаньси словно вдохнул в мрачный двор Изогнутой Террасы хоть какое-то подобие жизни. Не имея больше возможности прятаться, евнухи и служанки вернулись к своим обязанностям. Пусть они все еще слегка ежились от страха, но зато навели вокруг образцовый порядок.

Вот только сам монарх по-прежнему пренебрегал учебой.

Он сидел за императорским столом, пока Сяо Чжочин читал лекцию, и продолжал заниматься своими делами, нимало не считаясь ни с кем.

К тому моменту, как Сяо Чжочин завершил разбор трех статей, наконечники стрел были начищены до блеска, а новый лук тщательно смазан. Дунцзюнь восседал на массивном золотом насесте, уткнувшись клювом, похожим на изогнутый меч, в половину окровавленной туши горного барана.

Сяо Чжочин поднялся со своего места.

- Ваше Величество, пробил час Лошади. Этот подданный испрашивает позволения удалиться.

Он собрал свитки со стола, аккуратно уложил их в книжный короб, вовсе не рассчитывая на какой-либо ответ со стороны Фэн Юаньси.

Однако в этот момент Фэн Юаньси поднял глаза.

- Ты придешь завтра снова? - спросил он.

Сяо Чжочин не ожидал подобного вопроса. На мгновение замерши, он честно ответил:

- Да.

С высокого трона лицо императора было трудно разглядеть в тени, и Сяо Чжочин заметил лишь то, как правитель повернул голову, глядя на величественного кречета, терзающего добычу.

Убитый баран с немигающими глазами, чьи зрачки превратились в горизонтальные щели, покачивался под ударами хищного клюва, а ярко-алая кровь капала прямо на мраморные ступени.

- Ты что, совсем не умеешь просить о милости? - спросил он.

- ...Прошу прощения? - Сяо Чжочин не понял смысла сказанного.

Стоявший рядом старый евнух с готовностью пояснил:

- Месяц назад нескольким господам тоже было поручено являться сюда для сопровождения императорских чтений. Стоило им лишь обратиться с нижайшей просьбой к Его Высочеству князю Ляню, как их тут же заменили другими.

Сяо Чжочин слегка нахмурился.

Старый евнух улыбался мягко и жалостливо:

- Ваше Величество не терпит никого рядом. Вашему сиятельству нет никакой пользы от работы здесь, в дворе Изогнутой Террасы, право слово, куда разумнее было бы служить в приказах Шести министерств.

Эти истовые увещевания звучали как совет заблудшему опомниться и вернуться на верный путь.

Неужели это тоже проявление милосердия со стороны того самого императора?

Сяо Чжочин поднял глаза и как раз вовремя успел заметить, как Фэн Юаньси вытащил из ножен на поясе кинжал, парой движений отсека баранью голову и небрежно швырнул ее за порог дворца - собаке.

...Ах, пожалуй, нет, едва ли.

- Почтеннейший, этот скромный чиновник прибыл во двор Изогнутой Террасы по собственной воле, - пояснил Сяо Чжочин Ло Хэюю, не став отвлекать императора, увлеченного кормлением пса.

И он не заметил, как сидевший на троне государь чуть заметно качнул головой.

- Смысл слов господина Сяо в том, что...

Сяо Чжочин лишь легко улыбнулся.

– Завтра к часу чэнь я снова буду здесь вовремя. Прошу Ваше Величество заранее подготовиться к занятиям, – произнес он, поднимая взгляд на правителя. – Что до трех отрывков из «Шу цзин», разобранных сегодня, я прошу Ваше Величество переписать их пять раз и заучить наизусть.

Задавать домашнее задание – это долг любого учителя. Сама основа учебы зиждется на зубрежке и переписывании, и даже обладавший феноменальной памятью Сяо Чжоцин не мог избежать этого правила.

Монарх по-прежнему хранил молчание.

Сяо Чжоцин отвесил безупречный поклон, подхватил книжный короб и повернулся, чтобы уйти.

Ло Хэюй хотел было что-то сказать, но замер с полусловом на губах, собираясь броситься вдогонку, как вдруг правитель подал голос:

– Оставь его.

Ло Хэюй обернулся.

Сяо Чжоцин удалился, и в просторном зале вновь остались лишь они.

Приближенные придворные обратили взор к собственным носам и нос – к сердцам, мысленно превратившись в ширмы и мебель, ведь государь на высоком помосте издавна славился своим суровым молчанием и крутым нравом.

Ободранный скелет барана валялся на полу, Дунцзюнь взмахнул крыльями и издал пару резких клекотов, но Фэн Юаньси оставил это без внимания.

Его взгляд был прикован к удаляющейся фигуре Сяо Чжоцина.

Окутанный строгими чиновничими одеждами из синего шелка-жу, тот выглядел тонким и прямым, словно бамбуковый побег, а трехфутовые рукава развевались на ветру, подчеркивая затянутую в серебряный пояс удивительно узкую, гибкую талию.

Ему довелось повидать бесчисленное множество подобных чиновников – одни из них еще дышали, другие уже были мертвы.

Но в тот миг, когда у вод пруда Линьхуа поднялся внезапный ночной вихрь, прядь волос этого чиновника пятого ранга скользнула по его лицу, принеся с собой легкий шлейф аромата сосновой хвои, исходивший от его аккуратно запахнутого ворота.

Именно тогда Фэн Юаньси впервые разглядел его лицо.

Он так спешил, словно искренне переживал за чью-то чужую, далекую от него жизнь, и в то же время так отчаянно жаждал собственной головокружительной карьеры.

Фэн Юаньси прекрасно знал, что этот человек – человек князя Ляня.

Однако мог ли хоть чем-то помочь князю Ляню тот, кто едва держался на ногах от малейшего порыва ветра и закусывал губу до крови, натягивая тугой лук?

Спустя мгновение Фэн Юаньси отвел взгляд.

Да пусть хоть перевернет все вверх дном – он сам отверг шанс на спасение, который ему даровали.

Едва Сяо Чжюцин вышел из двора Изогнутой Террасы, как нос к носу столкнулся со Ши Сюцзе.

В отличие от него самого, Ши Сюцзе прибыл во дворец с поистине помпезным размахом: за его спиной шагали не меньше пяти-шести воинов Императорской стражи в алых одеждах и серебряных латах.

Один слуга нес за ним книжный короб, второй бережно прижимал к груди гуцинь, а третий и вовсе покуривал благовония. Сам же триумфатор шел впереди, горделиво задрав голову, сияя от самодовольства.

Командующий Императорской стражей состоял в банде князя Ляня и водил со Ши Сюцзе самую близкую дружбу, а потому сегодня новоиспеченному чжуаньюаню оказали поистине царский почет – он вел себя во дворец так непринужденно, будто возвращался в собственный загородный дом.

Завидев шествующего налегке Сяо Чжоцина, Ши Сюцзе скривил губы в крайне презрительной ухмылке.

И что с того, что ты именитый аристократ? Первым к князю Ляню поступил на службу я, и даже отправляясь во дворец для слежки за этим больным императором, ты будешь лишь пушечным мясом, прокладывающим мне дорогу.

Столкнувшись нос к носу, Ши Сюцзе с показной небрежностью и насмешкой сложил руки в приветствии:

– А, это вы, господин Сяо.

– Господин Ши, – Сяо Чжоцин ответил на поклон сдержанно, после чего с неподдельным любопытством осведомился: – Вы часом не переезжаете?

Лицо Ши Сюцзе мгновенно перекосило:

– Что за глупости!

Разумеется, он злился. Какой же нормальный человек потащит за собой столько скарба, если не надумал переселяться?

– Это называется приобщением к высокой культуре, вам ли понять? – Ши Сюцзе задрал подбородок еще выше, с презрением глядя свысока. – Я прибыл сюда не с пустыми руками: мне предстоит услаждать слух императора игрой на цине и воскурять для него благовония.

Сяо Чжоцин мягко напомнил ему:

– Насколько мне известно, библиотекарь Ли велел вам штудировать «Чжаомин вэньсюань».

Ши Сюцзе заговорил громко и вызывающе:

– Мудрецы учили, что ритуал и музыка не должны покидать человека ни на мгновение, дабы

навести порядок в сердце! Слыхали о таком? У императора недуг, и недуг этот – в его безумном сердце. Я намерен исцелить хворь Его Величества звуками высокой музыки! Что, имеете возражения?

И вновь он сорвался на крик от раздражения.

Сяо Чжочин не собирался препираться с ним о пустяках, а потому просто отступил в сторону, плавным жестом приглашая:

– Разумеется. Прошу вас, господин Ши.

Ши Сюцзе счел это проявлением страха и спесивой поступью прошел мимо. Проходя мимо него, он не удержался от презрительного фырканья:

– Тоже мне, «Чжаомин вэньсюань»... Что это еще за макулатура? Разве в состоянии этот полоумный император читать книги нормальных людей?

С этими словами он с ног до головы окинул Сяо Чжочина оценивающим взглядом и презрительно хохотнул:

– Господин Сяо, попав на государеву службу, научитесь вести себя смирно и четко уясните свое место. Или вы возомнили, что способны указывать и мне?

Сяо Чжочин промолчал, позволяя этой шумной процессии беспрепятственно пройти мимо.

Фусюэ проводил спину Ши Сюцзе злобным шепотом:

– Скотина тупоголовая.

– Пойдем, – усмехнулся Сяо Чжочин, сделав вид, будто не расслышал площадную ругань своего слуги.

Однако они успели отойти совсем недалеко, когда из главного зала до них донеслись звуки циня.

Надо сказать, среди шести благородных искусств благородного мужа именно игрой на цине Сяо Чжочин владел в совершенстве.

Ему даже не пришлось прислушиваться – хватило всего двух нот, чтобы безошибочно определить чудовищную бездарность Ши Сюцзе. Подобным исполнением можно было лишь насмешить публику на каком-нибудь заурядном литературном сборище.

– И откуда в нем столько самоуверенности? – не удержался он от вопроса, бросив косой взгляд на Фусюэ.

Обладая столь плачевными навыками, обычный человек сгорел бы со стыда демонстрировать их перед публикой.

Впрочем, прежде чем Фусюэ успел ответить, грохот из двора Изогнутой Террасы дал исчерпывающий ответ.

Сначала раздался резкий, рассекающий воздух свист, за которым последовал переполох.

Звуки бьющейся утвари слились с истошными воплями и плачем, а в суматохе беготни и криков отчетливо послышался жуткий собачий лай.

– Батюшки, да это же тот самый Ши Сюцзе! Слышите, как он ревет! – радостно завопил Фусюэ.

Сяо Чжочин и сам все понял.

Дворцовые двери с треском распахнулись, и оттуда пулей вылетели перепуганные евнухи.

– Зовите князя Ляня, ради всего святого, зовите князя Ляня!

– Какого еще князя, людей калечить пока не начали, живо тащите вещи прибирать!

– А где лекарь? Живо позовите императорского лекаря!

– Эй, бегите еще народу, помогите сперва вытащить господина Ши!

Слуги суетились в полном помрачении рассудка, и Фусюэ тут же подбежал к одному из них, с нескрываемым злорадством допытываясь:

– Слышь, братец, что там стряслось? Какая муха укусила императора?

– Да в господина Ши только что стрела прилетела! Сидит вон внутри, слюни пускает! – выпалил перехваченный им евнух.

- Куда угодило-то? В руку, в ногу? – глаза Фусюэ загорелись.
- Какая рука! Император целил господину Ши прямо в рожу! Если бы не расторопность Императорских стражников, быть бы нашему господину Ши покойником!
- Да неужто?! – Фусюэ обрадовался так, будто на дворе стоял праздник фонарей.
- Точно! К счастью, стрела пробила лишь его официальную шапку-ушанку!
- ...И чего тогда голосит? – разочарованно протянул Фусюэ.
- А ты попробуй посидеть пригвожденным стрелой к золотой колонне, погляжу я, как ты заголосишь! – огрызнулся слуга.
- А?
- Да господина Ши отбросило ударом на целых два чжана! Его собственный узел волос в щепки разнесло и вколотило в столб! До сих пор сидит прибитый, пара молодцов из стражи всем миром пытаются выковырять!

Тут евнух от отчаяния даже замахал руками:

- Всё, некогда мне с тобой ляссы точить! Господин Ши от боли ревёт белугой, да еще со страху в штаны наложил, побегу подмогу кличу!

Не успел он договорить, как двери дворца вновь распахнулись от сильнейшего удара.

Сяо Чжоцин обернулся и увидел Ши Сюцзе.

Тот вылетел пулей из зала с распущенными волосами, словно за ним гнался сам преисподний демон. Извергая бессвязные звериные вопли, он удирал прочь, загребая руками и ногами.

В тот же миг из-за его спины со свистом вылетела новая стрела, скользнула по его спине и намертво вонзилась в ствол тысячелетнего гинкго прямо перед входом.

Ши Сюцзе испустил душу раздирающий вопль и, перебирая всеми конечностями, задвигался еще быстрее.

Но стрелы сыпались одна за другой, точно загоняя дворовую собаку, преследуя беглеца от самых дверей до самых ступеней.

Он катился и карабкался по лестнице, издавая такие звуки, что даже самые черствые евнухи невольно останавливались поглазеть на это зрелище.

Под пронзительный свист летящих стрел Сяо Чжоцин легко усмехнулся:

– Каков лук.

<http://bllate.org/book/18810/1865678>